

Закончив накануне, уже в сумерках, натурные съёмки в бухте Витязь, группа кинодокументалистов, утром, сразу после завтрака, выехала в город. С «натурой» они по разным причинам затянули, выбились из съёмочного графика и теперь торопились наверстать упущенное.

Студийный газик с брезентовым верхом так набит съёмочной аппаратурой, «яуфами» с отснятой плёнкой, туго скатанными спальными мешками, рюкзаками и разной прочей поклажей, что режиссёр с оператором и звукооператором едва втискиваются в узкое пространство между передними сиденьями и заполнившим остальное пространство экспедиционным скарбом. Сидеть, согнувшись в три погибели, неудобно, ноют колени, стойки переносных светильников на каждом ухабе впиваются в спину, словно штыки, а всевозможные ящики, ящички, футляры упорно ползут вперёд, создавая ещё большие неудобства. В открытые окна газика летит рыжеватая мучнистая пыль грунтовки, соединяющей биостанцию с трассой. Но поднять стёкла – значит свариться в духоте.

Однако никто из киношников словно бы не замечает ни духоты, ни пыли, ни неудобства своего положения. На переднем

сиденье, справа от шофёра сидит Танечка, и всем хорошо, что она с ними в этом нудном многокилометровом пути.

Танечке восемнадцать. Она невысока, с аккуратно выточенной фигуркой. Чуть курносый носик придаёт её нежнокожему лицу простодушно-светлое выражение. У Танечки густосиние глаза, и когда она смеётся, в них искрятся солнечные зайчики. Наверное, поэтому промеж себя киношники прозвали её «Зайчиком».

А вообще-то к киногруппе Танечка не имеет никакого официального отношения. Сюда она приехала на практику после окончания первого курса биологического факультета. На берегу укромной бухты с романтическим названием «Витязь», между невысоких кудрявых сопок, придвинувшихся прямо к океану, расположилась морская биологическая станция, и Танечка помогала её сотрудникам проводить опыты над морскими ежами и прочей морской живностью, которой были густо заселены прибрежные воды.

Киногруппа, хоть и не ставила никаких опытов, подводным миром тоже очень интересовалась, поскольку снимала научно-популярный фильм о богатстве дальневосточных морей и океанов. Важно было показать естественную, не нарушенную человеком живописную жизнь прибрежного шельфа, а это требовало обширных натурных съёмок.

Киношники разбили лагерь неподалеку от биологов. Палатка Танечки стояла к ним ближе всех, и как-то незаметно девушка сошлась с этими общительными, весёлыми и милыми людьми. Они много знали и умели делать совершенно, казалось бы, далёкие для их профессии вещи. Да и профессия была не такой уж лёгкой, как могло показаться со стороны.

Каждый день оператор с режиссёром натягивали на себя гидрокостюмы с мифическим названием «Калипсо», впрягались в лямки тяжёлых аквалангов и погружались в зеленоватую

воду. Помимо того, оператор утащивал с собой в океанскую пучину пузатый ярко-оранжевый бокс с кинокамерой внутри.

Звукооператор с Танечкой, проводив их до края небольшого причала, ждали на его просоленных досках их возвращения. Впрочем, звукооператор даром время не терял – он тоже работал: записывал на магнитофон крики чаек, шум волн, трущихся белесой пеной о столбики пирса, ровный шелест дубняка на сопках... А Танечка всматривалась туда, где скрылись аквалангисты и, когда они долго не появлялись на поверхности, переживала – не случилось ли чего?

Вечерами киношники допоздна жгли костёр на берегу. Они запекали на железном противне линьков с выпученными глазами, некрупную камбалёшку, мидии и, запивая морские дары «Тамянкой» и «Тырновым» из сельмага соседней деревни, вели под бесконечной россыпью мерцающих над океаном звёзд разговоры о жизни вокруг, которые в итоге сводились к спорам о том, насколько адекватно отражается она в творческом зеркале.

Однако с появлением у костра Зайчика интерес к подобным дискуссиям быстро истаивал. Киношники вдруг обнаруживали в себе бездну здорового юмора и этакого бесшабашного юношеского задора, который, казалось бы, давно и навсегда должен был их покинуть. Веселел даже всегда хмурый по причине язвенной болезни звукооператор и выносил из своей палатки портативный «Сони», который берёт пуще глаза.

«Мне нравится, что вы больны не мной...» – пела певица, и у звукорежиссёра слезились глаза, хотя дым от костра уходил в сторону океана.

Костёр прогорал, стреляя картечью последних искр...

Однажды, когда Танечка, пожелав всем спокойной ночи, направилась в сторону своей палатки, а следом за ней под-

нялся их шофёр Витя, режиссёр, глядя им вслед, сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Плюнуть бы на всех этих медуз, ежей, трепангов да каракатиц и снять что-нибудь такое... задушевное, чтоб сердце щемило и заходило, чтоб здесь вот... – схватил себя пальцами за кадык режиссер, – сладко спирало. А в главной роли – наш Зайчик!

– Так о чём снимать-то собрался? – не понял оператор.

Режиссёр задумался, глядя на угасающие лиловые головёшки. Наконец, сказал:

– О юности, о первозданности чувств, которых в нас уже не осталось. О бесконечности и бездонности этого океана...

За тёплое к ней отношение Танечка старалась не оставаться в долгу. Свободное от практики время она проводила с киношниками, помогая, чем могла. Чаще всего выполняя функции рабочего. В экспедицию киногруппа отправилась недоукомплектованной. Из-за спешки и нерасторопности администратора вместо двух положенных по штатному расписанию рабочих в группе не оказалось ни одного. Частично выручал шофёр Витя. А потом и Танечка стала его напарником.

Через месяц киношники закончили съёмки, а Танечка – практику, и вот теперь все вместе едут домой, в город. Танечка то и дело высовывается из кабины и радостно удивляется, увидев поляну ярких цветов или причудливой формы дерево на склоне сопки.

– Плывём, плывём! – совсем по-детски взвизгивает она, когда газик сходу врывается в поток горного ручья, и с опаской смотрит под колёса, от которых клином расходятся тугие борозды волн.

И столько в Танечке заразительной искренности и непосредственности, что режиссёр с оператором, забыв, что им уже за пятьдесят – солидные, вроде бы, дяденьки, что за годы

совместной работы выпустили более двух десятков фильмов, в том числе и отмеченных призами и премиями престижных конкурсов и фестивалей, что обременены многочисленными производственными, семейными и разными другими заботами и проблемами, что и здоровьишко-то у них уже не ахти... – чувствуют себя сейчас рядом с этой чудной девушкой, распахнуто радующейся всему, что попадает в поле её зрения, совсем молодыми, сильными, бодрыми, полными здорового оптимизма... В общем, ничего ещё себе ребятами!

Оператор начинает страстно объяснять устройство автомобиля, мешая Вите вести машину, а когда газик расстаеться, наконец, с просёлком и вырывается на асфальтированный простор, переключается на дорожные знаки по обочинам шоссе.

– Это, Танечка, – видишь, забор нарисован – впереди переезд... А этот знак предупреждает, что обгон запрещён...

Режиссёр с хитрой улыбкой подкалывает друга, рассказывая о дорожных приключениях – то страшных, то смешных, случившихся якобы с ним, оператором.

«Зайчик» ответно: то звонко хохочет, то делает круглые глаза, а Витя, улыбаясь, недоверчиво почёсывает у себя за ухом – точь-в-точь, как один из персонажей картины Перова «Охотники на привале».

Фамилия у Вити забавная – Синичкин, хотя ничего птичьего в нём нет. Сухощавый, стройный, светловолосый симпатичный парнишка с исчезающим румянцем на щеках, который и имеют в виду, когда говорят «кровь с молоком», – он больше на подсолнушек похож. Вите немного за двадцать. В прошлом году демобилизовавшись, он почти год крутит баранку ГАЗ-69, принадлежащего студии документальных фильмов.

Зато машина в руках Вити Синичкина и впрямь как птица – того и гляди оторвётся от асфальта и в небо взмлет.

Танечка так нежно и тепло посматривает на Синичкина, что режиссёр с оператором, перехватив её взгляд, осекаются и замолкают, словно сорвавшись и упав на грешную землю с высот своего буйного красноречия, вызванного близостью Танечки. Оба вдруг осознают бессмысленность своего витийства. Танечка – уже не их поля ягодка. Птичка-синичка её волнует. Режиссёр с оператором тускнеют, скучнеют. На Витю, конечно, никаких обид. Обидно за себя. За то, что время их молодости безвозвратно прошло. А вот для Вити и Танечки оно как раз наступило.

Но обида эта скоротечна. Её прерывает своим возгласом Танечка:

– Змея, змея! – звонко сообщает она попутчикам, высовываясь из кабины.

Витя резко тормозит. Все выходят из машины посмотреть, как из придорожной канавы торопливо, но с достоинством уползает в чашу полутораметровый уссурийский красавец-полоз.

И дальше мчит Витя Синичкин, спеша засветло попасть в город.

Всю дорогу молчит звукооператор, отрешённо глядя перед собой. Ему тоскливо. Он не умеет читать мысли. Но подзревает, что думает примерно о том же, что и его коллеги. Чего греха таить, все они немножко влюблены в Танечку. Перспектив, разумеется, никаких. Тем грустнее видеть рядом юное очарование, которое, хоть и находится от тебя на расстоянии вытянутой руки, но, по большому счёту, уже недосягаемо. Впрочем, сам для себя уточнил звукооператор, ему, в отличие от женатых коллег, тоскливо ещё и по причине банального одиночества. Так уж распорядилась природа, что мужчине всегда нужна женщина – для ласки, тепла, любви, уюта, продолжения рода или же просто смягчения черстве-

ющей души. В молодости этого не всегда понимаешь или не берёшь в расчёт. Кажется – всё впереди! Но со временем оказывается, что поезд ушёл, а тебе остаётся либо участь матёрого холостяка, либо брать в пару тебе соответствующий поношенный «сапог».

Танечка продолжает вертеть русой, коротко стриженной головкой, стараясь не упустить ничего интересного за пределами машины. Девушка восхищена августовскими пейзажами по обе стороны машины. Леса кое-где уже начинают примеривать на себя осенние «багрец и золото». Но и в тесноте кабины Танечка чувствует себя прекрасно. Ей очень симпатичны киношники, хорошо и уютно среди них. Но особенно хорошо оттого, что рядом Витя, которого можно слегка погладить по лежащей на баранке ладони, а при торможении, на выраже невзначай коснуться коленом или на миг привалиться к его плечу.

И вот, наконец, забитые автомобилями, троллейбусами и автобусами городские улицы, нервирующие пробки. Витя извивается, как уж, перестраиваясь из ряда в ряд и пытаясь быстрее проскочить «узкие» места. Через полчаса автомобильной толчеи показывается трёхэтажный корпус киностудии. Рабочий день закончен, в здании только вахтёр. Приходится самим перетаскивать на третий этаж всё оборудование. Синичкин отгоняет машину в студийный гараж.

Всё, командировка закончилась. Надо бы по домам, но все мнутя, словно ждут чего-то. Витя смущённо держит Танечку за кончики пальцев.

– Ты, Витюша, иди. И не забудь Танечку проводить до дому, – ласково говорит режиссёр и сглатывает застрявший в горле тугой и сухой комок.

– Проводи, проводи, конечно! – единодушно поддерживают оператор с звукооператором, и у каждого ёкает сердце. Сейчас

она уйдёт, и искрящийся солнечный зайчик в её глазах, этот тёплый лучик, согревавший каждого из них целый месяц, исчезнет вместе с нею.

– Заходи к нам, Танечка, не забывай! – просит режиссёр.

– Я приду, я обязательно буду к вам приходиться! – горячо обещает Танечка и, потянувшись к режиссёру, целует его в щеку, словно бы скрепляя печатью-поцелуем своё обещание.

Не остаются без этой «печати» и оператор со звукорежиссёром.

Витя с Танечкой, обняв друг друга за талию, уходят. А киношники долго, пока молодые люди не растворятся в темнеющей перспективе улицы, смотрят им вслед, отмечая про себя, как хороши они оба. Как гармонична эта юная пара и прекрасно подходит друг другу.

До глубокой ночи Витя с Танечкой будут бродить по остывающим от дневного зноя улицам, а жар объятий будет согревать их от ночной прохлады.

Но и режиссёр с коллегами не скоро ещё попадут домой. Они засядут в ночном кафе неподалеку, закажут, памятуя о закончившейся командировке, «Тамянку» и, отхлёбывая глоточками золотистое болгарское вино, станут вспоминать своей юности сон золотой, первую любовь. А потом выпьют за Танечку и в её лице за пленительную чистоту, целомудренность и неповторимое женское очарование, так не хватавших им в многотрудной жизни, и к которым через милого их «Зайчика» они имели счастье причаститься...